

Культура. — 2001. —
8–14 марта. — С. 11

Солнце воскресших богов

Мария Каллас и Аристотель Онассис — герои будущего фильма Коста-Гавраса

Фильмы Коста-Гавраса — “Дзета”, “Пропавший без вести” — известны и у нас, критики называли их значительными произведениями политического кино. То что режиссер обладает недюжинным политическим темпераментом — неудивительно: его родители бежали из Греции в период военной диктатуры. В журнале “Пари-матч” Коста-Гаврас опубликовал рассказ о любви своих знаменитых соотечественников — Марии Каллас и Аристотеля Онассиса. Такова тема и его будущего фильма. Этот рассказ мы предлагаем читателю.

Нельзя не отметить одно очевидное свойство текста Коста-Гавраса: сравнивая своих персонажей с Зевсом, Афродитой, Икаром, он всячески подчеркивает роковую трагедийность их связи. Коста-Гаврас задумал снимать античную трагедию рока на современный лад, своего рода мифологему любви, перенесенной в двадцатый век. Но грубое, земное, фактурное начало явно перевесило античное. Из-под древней трагической маски выглядывает красивое, холодноватое лицо современной драмы из жизни высшего света. Рассказ Коста-Гавраса наверняка покажется интересным тем, кто знаком с историей культурного взлета Европы в шестидесятые.

Я увидел Марию Каллас в Париже, в 64-м, на обеде, который давали наши общие друзья. Меня сразу поразило ее двойное обличье. На поверхности — сама Каллас, женщина впечатлительной стати, с которой едва осмеливались заговорить. Потом, в конце обеда, когда за столом остались только ее соотечественники и взгляды не прилипали к ней, она превратилась в Марию Калойерепулос, привлекательную гречанку, любившую рассказывать о себе и своих родных местах. Я сидел напротив нее и совершенно оторопел. Для молоденького грека, каким я тогда был, пара, подобная Аристотелю Онассису и ей, казалась рожденной мифом, земным воплощением Зевса и Афродиты. В то время меня немного раздражал судовладелец. Мой отец говорил, что стать таким богатым можно, лишь пройдя по трупам; не сомневаюсь, что в этом была доля истины. Для нас Онассис был человеком, запятнавшим себя сотрудничеством с “режимом черных полковников”. Но сейчас, оглядываясь назад, я могу сказать, что он сделал это для блага своей страны. Все это время он продолжал вкладывать средства в родную землю и кормил миллионы людей. Без него наша авиакомпания “Олимпик айруэйс” просто перестала бы существовать.

Аристотель Онассис хотел обладать всем: морем, воздухом, Монте-Карло, женщинами, мужчинами. Поэтому-то он и поддался очарованию

Марии Каллас. Эта женщина была самой большой любовью в его жизни, тогда как Джекки — его орденом Почетного легиона: украшением, которое надевают в конце жизни для самоудовольствования.

История любви двух самых знаменитых греков своего времени началась в июле 1959-го на борту “Кристины”, яхты Аристотеля. Он пригласил близких друзей, Уинстона Черчилля и Марию Каллас. Дива очаровала весь мир “Медеей”, “Травиатой” и “Тоской”. Она царила на всех сценах. Во время этого морского путешествия из Монако в Турцию оба поняли, что их немало связывает. Выходцы из одной страны, они пережили одинаково нищее детство, оба были эмигрантами, оба на американских континентах: он — в Аргентине, она — в США, и обоими владела неукротимая жажда самутверждения и общественного признания. Певичка тогда была замужем за Баттиста Менегhini, итальянским промышленником. Он был старше Каллас на тридцать лет и являлся для нее и открывателем, и учителем, и агентом. Аристотель был женат на Афине Ливанос, второй дочери богатого греческого судовладельца. Она была на двадцать пять лет моложе. В обоих случаях это были браки по расчету, распавшиеся под напором новых чувств. Баттиста производил впечатление недотепистого тьюфика рядом со своей женой, которую он боготворил. Афина изменила Ари-

стотелю с юным красавчиком. Разрывы будут долгими и сложными. Но голубки уже улетели. Их жизнь теперь протекает между яхтой “Кристина”, милой сердцу Каллас Италией, Монако, где Аристотелю принадлежит Общество морских купальщиков, и Афинами.

Из документов, недавно опубликованных Николасом Кейджем (автор книги “Онассис и Каллас”, выпущенной издательством “Робер Лаффон”), мы знаем теперь, что Мария была беременна от Аристотеля. 30 марта 1960 года она родила в Милане мальчика — Оморо Ленгрини. К несчастью, через два часа после появления на свет ребенок умер от легочной недостаточности. Это стало серьезной драмой для матери. Печально был охвачен и отец. К тому времени Онассис был отцом уже дважды: Афина подарила ему в 1948 году сына Александра, а два года спустя — дочь Крестину. Как ни парадоксально, именно после этой смерти отношения любовников окрепли. Каллас, голос которой утратил былую мощь, практически пере-

стала петь. А Онассис, казалось, потерял интерес ко всему, кроме своего плавучего дворца: он целыми днями приводил в порядок старое грузовое судно стометровой длины. Но от судьбы не убежишь. Ни одному актеру не дано сдерживать стремительный ход античной трагедии. Поэтому-то эти счастливые годы были такими короткими.

Надеждам Марии не суждено было сбыться — она так никогда и не вышла замуж за мужчину своей жизни. Семья судовладельца осталась. Особенно его сестра Артемиды и двое ее детей. Сын Онассиса поклялся никогда не разговаривать больше с отцом, если тот поддастся пению сирены, то есть Каллас. Все ее подарки, которыми она буквально забросала юношей, не вызвали у них ни малейшего снисхождения. Но до 1968 года идиллия сохраняется. Ворота бизнеса часто исчезают, чтобы подписать очередной баснословный контракт и округлить и без того необъятный капитал, но орел всегда возвращается в родное гнездо. Дива тоже время от времени по-

является в золотой кайме ведущих оперных сцен мира. Ее великолепный артистический дар всюду расхваливали. Отточенные спектакли, которые ставил для нее Дзеффирелли, до сих пор считаются высшими образцами оперного искусства.

И тут в это супружеское счастье громогласно вмешивается Джекки Кеннеди. От миллиардера пришло предложение отдохнуть на его яхте. Это октябрь 1963-го. Разве можно было отказаться от отдыха на такой посудине, которую даже сам египетский король назвал “последним криком великолепия”? Ванны из сиенского мрамора, краны в форме дельфинов, игровые залы, камин из ляпис-лазури, госпиталь с операционным залом и рентгеновским аппаратом, кондиционированный воздух, бронзовые перила лестниц и балюстрады из оникса, гостиная, рассчитанная на двести приглашенных, и вдобавок оркестр. Аристотель Онассис всегда сам выбирал малейшие детали декора. Подушечки, покрывавшие табуретки у стойки бара, были шиты из крайней

плоти китов, убитых китобойной флотилией. Макеты маленьких суденышек дюжинами висели во всех уголках яхты.

Жаклин Кеннеди была ослеплена такой роскошью. Отношения судовладельца и Джекки начались с игры, продолжились их свадьбой в 1968 году и закончились трагедией. Он попал в сети своих амбиций, пожелав обладать самой знаменитой женщиной мира. Спустя несколько минут после того как была закончена церемония бракосочетания, его сын Александр кратко определил суть: “Они прекрасно дополняют друг друга. Мой отец любит ее имя, а Джекки любит его деньги”. Близкие Онассиса прозвали ее “Джекки-горюшко”. Вскоре ухудшается здоровье Онассиса, в делах начинается неразбериха, каскад утрат обрушивается на него, и его жена принимает решение как можно чаще бывать в Соединенных Штатах, где ее все еще ожидают многочисленные обязанности. Александр, сын Онассиса, прекрасно поладил со старшим Кеннеди. Он заразил его своей любовью к риску, удалю, бесстрашным ухарством. В Греции Джон Джон страстно увлекся гонками, когда Онассис подарил ему скутер, носивший имя мальчика. Две семьи ходили друг на друга и переживали драмами. В 1973 году в авиакатастрофе погиб Александр. Стараясь отдохнуть от влияния отца, он часто совершал полеты на реактивном самолете. Но, подобно Икару, не смог выбраться из лабиринта. При взлете его самолет стремительно унесся к солнцу, и несколько дней спустя он умер. Двадцать шесть лет спустя при точно таких же обстоятельствах погиб и Джон Джон. Дочь Онассиса Крестина не выдержала передозировки лекарств — это было в 1988-м; тема, без сомнения, близкая семейству Кеннеди. Греческая трагедия оказалась сильнее американской суперпродукции.

Уже через неделю после свадьбы греческий миллиардер осознает, что у этой любви нет будущего. Он пытается возродить связь с Каллас. Уязвленная, она долго отказывается повидаться со старым другом. Но

мало-помалу любовники понимают, что были созданы друг для друга. После смерти Александра в 1973 году Онассис восстанавливает душевное равновесие именно в парижской квартире Каллас. Вместе они опять переживают ту же драму, что некогда связала их судьбы, — утрату ребенка. Гибель единственного наследника судовладельца положила конец его беззаботному отношению к жизни. Он всю жизнь был уверен, что его деньги могут все. А в тот роковой день даже его необъятное состояние не смогло спасти жизнь его сыну. С этого момента его здоровье быстро уходит. В 1975 году врачи еще только подозревают у него тяжкую болезнь. Французский консилиум утверждает, что единственный способ вылечить его гепатит — это удалить поджелудочную железу. Американцы говорят, что победить болезнь можно простой местной терапией. А Аристотель чувствует, что он приговорен. Он жаждал увидеть Париж и... Марию. Едва устроившись в отеле, он тут же звонит певичке. А перед тем как лечь в Американский госпиталь в Нейи, говорит ей потрясающую фразу: “Я старался любить тебя так сильно, как только был способен”. Джекки ведет беспутную жизнь в США, а они с Марией перезваниваются несколько раз в день. Она ловко преодолевает ухищрения семьи и врачей, чтобы дежурить у изголовья любимого. Он умер в марте 1975-го. Два года спустя и Мария Каллас вступила в воды Стикса.

Мария Каллас и Аристотель Онассис были умной, благородной парой. Если бы не умер малыш Оморо Ленгрини, быть может, не было бы Джекки... Все греки с нежностью вспоминают эту несбывшуюся любовь. Вспоминаю и я. Я решил экранизировать эту чудесную историю любви. Задача — найти американских актеров, которые смогли бы носить одеяния греческих героев.

Немыслимая затея...

По материалам зарубежной
прессы подготовил
Дмитрий САВОСИН

Фото из журнала “Пари-матч”

А. Онассис и М. Каллас